

Copyright © 2022 by Cherkas Global University



Published in the USA  
 Bylye Gody  
 Has been issued since 2006.  
 E-ISSN: 2310-0028  
 2022. 17(2): 1033-1040  
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1033

Journal homepage:  
<https://bg.cherkasgu.press>



## On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Problems of Population and Identification

Alexander S. Kovalev <sup>a,\*</sup>, Nikolai R. Novosel'tsev <sup>a</sup>, Dmitry V. Rakhinsky <sup>a,b,c</sup>, Nikita N. Ravochkin <sup>d,e</sup>

<sup>a</sup> Siberian Federal University, Russian Federation

<sup>b</sup> Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

<sup>c</sup> Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

<sup>d</sup> Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

<sup>e</sup> Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

### Abstract

The article deals with the problem of social assistance to war invalids in 1914–1917, presented in modern Russian historiography. Most researchers claim that during the First World War, a full-fledged state social policy was carried out in relation to the crippled and wounded soldiers from the lower ranks. Conversely, the question of what was the number of people who returned from the front completely disabled remains debatable. In addition, another scientific problem is formulated in the article: was the “war invalids” an independent category of people in need of assistance, or were they assisted under the unified approach to solving the life difficulties of sick and wounded military personnel. The answers to both of these questions help to say more precisely whether the practice of state social policy actually existed in Russia. If the number of military invalids was significant, then they could indeed become an object of special attention from both state and non-state actors of assistance. Meanwhile, the disabled of the First World War had to have a special status that distinguished them from other categories of the disabled population, distinguished them from people who occupied a similar social position.

The article presents different points of view regarding the number of war invalids, considers the problems of organizing the registration of war invalids during the First World War, analyzes the materials of the questionnaires developed by the Medical Statistical Bureau under the Main Committee of the Zemsky Union and compiled for a group of veterans from the Barnaul district who returned disabled. All of the foregoing made it possible to identify war invalids as a separate group.

**Keywords:** history of social aid, charity, World War I, state social policy, disability, war invalids, crippled and wounded soldiers, enlisted men.

### 1. Введение

Первая мировая война, безусловно, способствовала росту инвалидизации во всем мире. По сути, это был первый глобальный социальный вызов обществам, которые прежде не сталкивались с тем, что такое большое количество граждан, прежде бывших успешными работниками, заботливыми мужьями и хорошими отцами, вернувшись с фронта, в одночасье окажется маргинальной массой, не сумевшей адаптироваться к жизни с инвалидностью и выброшенной на обочину общественной жизни.

В Российской империи уже был опыт по призрению пострадавших на войне лиц, и государство, общественные структуры, частные лица всячески старались исполнить богоугодное дело и оказать получившим серьезное увечье посильную помощь. Несмотря на то, что военные конфликты

\* Corresponding author

E-mail addresses: [alexkovaleff@yandex.ru](mailto:alexkovaleff@yandex.ru) (A.S. Kovalev), [NNovoseltsev@sfu-kras.ru](mailto:NNovoseltsev@sfu-kras.ru) (N.R. Novosel'tsev), [sirdar@mail.ru](mailto:sirdar@mail.ru) (D.V. Rakhinsky), [nickravochkin@mail.ru](mailto:nickravochkin@mail.ru) (N.N. Ravochkin)

сопровождали российскую историю на протяжении всего столетия, численность инвалидов войны была незначительной, и, самое главное, способы социальной заботы о них не выходили за пределы благотворительной помощи. Однако Первая мировая война с самого начала обозначила проблему оказания достойной помощи инвалидам войны, которая бы не только обозначила некоторую степень участия общества в решении проблем, но и способствовала бы их адаптации к мирной жизни.

## 2. Материалы и методы

Исследование опирается на принципы историзма и объективности, представленные в научных публикациях отечественных историков, использует как опубликованные материалы, так и ранее не публиковавшиеся сведения, обнаруженные в фондах Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация).

Были использованы следующие методы исторической науки: 1) логический, направленный на обобщение исторического опыта государственной социальной политики в 1914–1917 гг. через понимание ее закономерностей; 2) ретроспективный, предполагающий глубокое, последовательное проникновение в прошлое с целью выявления сути явления военной инвалидности периода Первой мировой войны; 3) идиографический – описание социального положения инвалидов войны на основе объективных фактов; 4) историко-критический, способствующий получению достоверной информации на основе исторических фактов через: а) сопоставление сведений из разных публикаций; б) сравнение общеизвестных фактов и научное объяснение противоречий между ними, в) оценку точности отображения фактов в отечественной историографии Первой мировой войны.

## 3. Обсуждение

В отечественной историографии XXI века появилось достаточно много работ, которые так или иначе затрагивали вопросы социальной помощи инвалидам войны в период Первой мировой войны (Kovalev et al., 2018; Букалова, Щербинин, 2020; Еремин, 2006; Еремин, 2016; Ковалев, 2011; Merkulov et al., 2021; Нагорных, 2014; Тишкина, 2018; Шиловский, 2015; Щербинин, Букалова, 2019). Обычно в них описываются конкретные меры, которые предпринимали благотворительные общества разного уровня, они содержат много интересной и полезной эмпирической информации, свидетельствующей о том, что общество по мере своих сил старалось заботиться об инвалидах, вернувшихся с фронтов Первой мировой войны. Впрочем, как верно отмечают С.В. Букалова и П.П. Щербинин, характеризуя современное состояние историографии проблемы помощи инвалидам войны, что авторы публикаций основное внимание «уделяют помощи раненым и семьям призванных, ...минуя “инвалидную” тематику» (Букалова, Щербинин, 2020: 149). В целом для отечественной историографии характерно исключительно положительное восприятие мероприятий, связанных с социальной помощью в отношении инвалидов в этот период.

В то же время теоретические выводы, которые делают авторы этих статей, довольно спорны и вызывают много вопросов, в первую очередь о численности инвалидов Первой войны. Не менее важной представляется во многом не изученная проблема, можно ли считать помощь «увечным и раненым воинам» помощью инвалидам, являются ли эти категории синонимами. Третьим по значимости является вопрос о самой государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны: насколько она была действительно государственной и защищала интересы такой значительной по численности и значимой по статусу группы населения, как инвалиды войны. Цель настоящей работы – проанализировать современные исследования, посвященные проблемам становления и развития социальной помощи инвалидам войны в 1914–1917 гг. и ответить на поставленные вопросы.

## 4. Результаты

Государственная социальная политика в отношении инвалидов войны, если она имеет место быть, должна основываться «на точном представлении о числе жертв войны», ибо главный недостаток сложившейся в России системы общественного призрения в том, что она «не знала ни количества нуждающихся, ни характера нужды» (Букалова, Щербинин, 2020: 154).

П.П. Щербинин и С.В. Букалова, говоря о численности инвалидов, определяют довольно широкие пределы – от 350 тысяч до 1 млн чел. (Щербинин, Букалова, 2019). Н.Н. Головин, ссылаясь на расчеты Ставки, указывает, что число инвалидов к октябрю 1917 г. равнялось 518 718 чел., но говорит о том, что это не могут быть полные сведения, и соглашается с Главным военно-санитарным инспектором Л.И. Сазоновым, который полагал, что число инвалидов не могло быть меньше 700 тыс. чел. (Головин, 2014: 203–204). 900 000 инвалидов насчитал Л.Л. Керсновский, а авторы историко-демографического исследования «Население России в XX вв.», опираясь на сведения, приведенные в советской и эмигрантской прессе, в качестве инвалидов империалистической войны указывают 890 тыс. чел. В то же время картотечный учет Военного министерства Российской империи за период с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. показывает, что инвалидами стали 57 318 офицеров и 3 421 004 солдата, т.е. всего 3 478 322 чел. (Ковалев, 2018: 45).

П.А. Меркулов, С.В. Букалова и О.В. Леонова отмечают, что «необходимо было точно установить общее число инвалидов войны, численность различных категорий и их территориальное распределение. Перепись инвалидов войны давала ценную информацию, непосредственно связанную с последующим долговременным финансированием адресованных им мероприятий» (Merkulov et al., 2021: 396). Очевидно, что такую масштабную работу на территории всей страны должно выполнять государство, однако занимались этим вопросом благотворительные и земские организации: «расходы на проведение переписи приближались к полумиллиону рублей, и Ксенинская комиссия не спешила выделять эти деньги Союзам» (Merkulov et al., 2021: 396).

Как указывают С.В. Букалова и П.П. Щербинин (Букалова, Щербинин, 2020: 155), с середины 1915 г. Военное министерство предполагало начать скорейшее проведение переписи военных инвалидов, для чего требовалось определить общее количество инвалидов, установить численность различных категорий пострадавших, нуждавшихся в разных видах помощи, и их территориальное распределение. Эти сведения должны были лечь в основу разработки конкретных проектов создания организационной системы помощи военным инвалидам на местах.

Однако это было в большей степени намерение, а не реальные дела. Война шла уже почти год, а Военное ведомство только лишь «предполагало сосредоточить у себя регистрацию нуждающихся, а помощь им предоставлять через особые местные комитеты под председательством губернатора» (Букалова, Щербинин, 2020: 154), да и эта идея не была реализована, что во многом уже говорит об отсутствии «государственного начала» в социальной заботе об инвалидах в 1914–1917 гг.

С.В. Букалова и П.П. Щербинин в своей статье подробно описывают схему поуездной регистрации инвалидов войны, предложенную медико-статистическим бюро при Главном комитете Земского союза, которая включала: а) сведения о семейном и имущественном положении увечного воина, его занятиях и доходах; б) сведения о том, состоит ли инвалид в браке; в) информацию об иждивенцах и наличии других работников в семье инвалида; г) вопросы о видах необходимой помощи не только самому солдату, но и членам его семьи (присмотр за детьми, чтобы дать жене возможность заработка); д) указания, какие формы помощи желательны самому нижнему чину (Букалова, Щербинин, 2020: 155).

Безусловно, подобный подход к организации статистического учета был призван сыграть значительную роль в перестройке всего дела призрения инвалидов войны. Однако, если говорить о государственной социальной политике, не стоит придавать ему слишком большого значения, т.к. деятельность по учету, осуществляемая общественной организацией, вряд ли может считаться полноценным сбором сведений о нуждающихся по всей стране.

Только через два года после начала войны, в сентябре 1916 г., было объявлено о начале переписи инвалидов в уездах. При этом, как указывают С.В. Букалова и П.П. Щербинин, «неясным оставалось, кто будет проводить перепись и обрабатывать ее результаты... Главный комитет Земского союза по-прежнему не располагал средствами на ее проведение, и поэтому фактически никакой переписи и обработки результатов не было даже в «общественном» разрезе, не говоря уже о том, что государство самоустранилось от этого вопроса».

Тем не менее анализ нескольких сохранившихся анкет, разработанных медико-статистическим бюро, позволяет узнать много интересного о том образе жизни, который вели инвалиды, вернувшиеся с фронтов Первой мировой. Так, в соответствии с требованиями анкеты, 2 марта 1916 г. по Зятьковско-Реченской волости Барнаульского уезда был составлен список инвалидов, могущих при частичной утрате трудоспособности занять должность служащих при казенных учреждениях.

Всего в волости насчитывалось 22 «увечных воина», из которых 16 чел. были полными инвалидами, т.е. теми, «кто не подлежал переосвидетельствованию и был “уволен навсегда”» (Kogda..., 2014: 254-258).

Основная масса инвалидов была людьми в возрасте до 30 лет: 24 года – 1 чел., 25 лет – 2, 26 лет – 2, 27 лет – 2, 28 лет – 2, 29 лет – 1, 30 лет – 5, 41 год – 1 чел. (Kogda..., 2014: 254-258).

По уровню грамотности 11 из 16 чел. были неграмотными, 5 – малограмотными (Kogda..., 2014: 254-258).

Диагнозы, с которыми была связана инвалидность, были следующие: ранение пальцев руки – 7, ранение плеча/предплечья – 3, ампутация пальцев на руке – 2, многочисленные ранения – 2, ампутация нижней конечности – 1, «растяжение легких» (в современной медицине эмфизема. – Авт.), т.е. большая часть инвалидов была комиссована с ранениями пальцев рук, которые не позволяли им вернуться обратно в строй (Kogda..., 2014: 254-258).

На вопрос, желает ли кто-то из них «занять должность служащего или чем другим желает заняться при потере способности к хлебопашеству», 15 чел. заявили, что хотят работать дома и заниматься только сельскохозяйственным трудом, т.е. тем же хлебопашеством. Еще один инвалид заявил, что работать «по неграмотности и отсутствию ноги не желает» (Kogda..., 2014: 254-258).

В конце августа 1916 г. были получены сведения о нижних чинах, пострадавших на войне и нуждающихся в материальной помощи, проживающих в г. Томске. Всего была получена информация о 21 инвалиде, о которых известно следующее. Возраст: до 25 лет – 4 чел., от 25 до 30 лет – 14 чел., старше 30 лет – 3 чел. Социальное происхождение: 17 крестьян и 4 мещанина. Семейное положение:

холост – 12 чел., женат, с детьми – 6 чел., женат – 2 чел., живет с семьей отца – 1 чел. (Kogda..., 2014: 259-265).

Среди причин инвалидности были указаны: повреждение нижних конечностей – 7, повреждение верхних конечностей – 3, ампутация конечности – 3, контузия и повреждение слуха – 3, ревматизм – 2, воспаление спинного мозга (*в современной медицине – травматический миелит, возникающий при травмах позвоночника и означающий повреждение позвоночного столба и расстройство его функций в результате проникновения инфекции через открытую рану.* – Авт.) – 2, воспаление почек – 1 (Kogda..., 2014: 259-265).

О своем имущественном положении все сообщили, что оно отсутствует, а что касается материального обеспечения, то всего 6 чел. получали пенсию. Размер пенсии у трех инвалидов составлял 14 руб. в месяц, еще один получал 168 руб. в год (те же 14 руб. в месяц), еще два человека получали 108 руб. в год (т.е. 9 руб. в месяц) и 1 инвалид – 65,30 руб. в год (5,40 руб. в месяц). Источником пенсии в 4 случаях было Томское казначейство, 2 пенсии выплачивались за счет местного благотворительного общества, еще одного пенсионера обеспечивала Томская городская управа (Kogda..., 2014: 259-265).

Говоря о занятости инвалидов, можно отметить 3 инвалидов, которые полноценно трудились, один даже служил курьером в управлении водных путей сообщения и получал 35 руб. Большая часть инвалидов, перечисленных в списке, обучалась сапожному ремеслу – 9, еще один изучал переплетное мастерство. 3 инвалида не работали (не были способны к труду) по состоянию здоровья, хотя один из них хотел устроиться рассыльным (с его слов, это было бы вполне достаточно, после чего даже пенсия будет не нужна). 2 инвалида изъявили желание изучить новое ремесло и трудоустроиться, еще один сообщил, что «имеет наклонности к письмоводству», но учиться не желает, хотя и хочет занять должность конторщика. Наконец, один инвалид указал, что не трудится и поступить на службу или обучаться не желает (Kogda..., 2014: 259-265).

Среди пожеланий того, какую помощь они бы хотели еще получить, ответы распределились следующим образом: требование пенсии – 7, пособие для семьи – 3, единовременное пособие – 2, трудоустройство по новой профессии – 3. Еще два инвалида назвали себя «вполне обеспеченными», а 4 человека, хотя и не считают себя таковыми, но указали, что в пенсии/пособии не нуждаются (Kogda..., 2014: 259-265).

Итак, анализ анкет позволяет сказать, что «полными инвалидами» чаще всего признавались лица в возрасте до 30 лет, имевшие серьезные нарушения здоровья. Меньше трети получали хоть какое-то пособие от государства, которое они защищали, при том, что они и их семьи были неимущими и при наличии стойких повреждений организма могли рассчитывать только на постороннюю помощь. При этом большая часть инвалидов занимала явно выраженную иждивенческую позицию. Всего 3 чел. трудились, еще трое надеялись получить работу по новой профессии сапожника, больше половины так или иначе нуждались в материальном вспомоществовании, но государство было не способно реализовать политику всеобщего пенсионного обеспечения даже инвалидов войны, не переставая при этом убеждать своих граждан в необходимости ведения войны до победного конца.

Таким образом, очевидно, что точной численности инвалидов Первой мировой войны определено не было ни в ходе самого военного конфликта, ни толком после его окончания (что вполне объяснимо, если вспомнить, что большевики ее, мягко говоря, недолюбливали). Но даже отдельные сведения, представленные в анкетах медико-статистического бюро, показывают, что инвалиды войны были явно той самой социальной группой, которая нуждалась в повышенном внимании со стороны государства. Исходя из этого вывода, далее обратимся к вопросу о том, кем на самом деле были эти люди.

Общим для всех нижних чинов, вернувшихся с увечьем, справедливо утверждение П.А. Меркулова, С.В. Букаловой и О.В. Леоновой о том, что «средств к существованию и привычного места в социальной иерархии» они лишились «по вине государства» (Merkulov et al., 2021: 394), а это означает, что оно и было обязано о них позаботиться.

И.А. Еремин указывает, что в годы Первой мировой войны государством велась работа по трудоустройству «возвращающихся с фронта инвалидов, которых называли “увечными воинами”» (Еремин, 2006: 204). В.В. Нагорных говорит о том, что в Минусинске в 1916 г. в электротеатрах давались благотворительные сеансы в пользу «увечных воинов-инвалидов» (Нагорных, 2014: 160).

Вопрос о том, можно ли «увечных воинов» приравнивать к инвалидам войны, довольно сложный. Во-первых, «увечным воином» мог быть и раненый военный служащий, и страдающий острым или хроническим заболеванием, ведь даже все благотворительные общества назывались обществами помощи «больным и раненым». «Увечье» совсем не обязательно означало «инвалидность».

Во-вторых, обозначение солдат, получивших травму, не совместимую с дальнейшей службой, именно как «инвалидов», характерно для семантики общественного призрения еще с начала XIX века. Именно увечье, полученное на воинской службе, делало увечного «инвалидом» и отличало от всех остальных категорий нетрудоспособных, которых обычно именовали «убогими».

В-третьих, когда в годы Первой мировой войны отдельные ведомства и министерства (например, Военное министерство, Министерство земледелия, РПЦ) пытаются принять участие в судьбе вернувшихся с фронта увечных солдат через поиск возможностей для их трудоустройства, они говорят не о «военно-увечных», а именно об инвалидах, особо выделяя эту категорию граждан (Ковалев, 2011; Kovalev et al., 2018).

Н.Н. Головин в своем известном труде «Россия в Первой мировой войне» под словом «инвалид» понимает «раненых и больных, которые после выздоровления признавались, согласно существовавшим у нас правилам, совершенно не годными к военной службе, а посему подлежащими увольнению от нее» (Головин, 2014: 203-204).

Также и М.В. Шиловский в монографии «Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь», говоря об общественном призрении, называет категорию лиц, потерявших здоровье и трудоспособность на фронте, именно инвалидами (Шиловский, 2015: 118, 153, 159, 211).

К.А. Тишкина отмечает, что в годы Первой мировой войны произошло появление «новых категорий социально не защищенных граждан», но несколько опрометчиво относит к ним и инвалидов войны (Тишкина, 2018: 5). Однако вряд ли уместно говорить о том, что это была «новая» категория, просто число нетрудоспособных лиц, вернувшихся с фронта, стало в разы больше.

В своем исследовании автор часто обращается к деятельности «Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам». С одной стороны, казалось бы, все просто: само название Общества говорит о том, кто был целевой группой для благотворителей. И ряд мер, о которых пишет К.А. Тишкина, подтверждает это: предоставление теплой одежды, бесплатный ночлег, перевязка ран, выдача обуви – все это говорит о том, что меры носили временный, не системный характер, а значит, были направлены именно на помощь раненым фронтовикам (Тишкина, 2018: 103-106, 109). Но с другой – часть прибывших увечных воинов направляли в приют, организовывали выплату пособий, проводили медицинский осмотр и выясняли физическое состояние бывших фронтовиков с целью найти рабочие места (Тишкина, 2018: 109, 111, 113). Это как раз и говорит о том, что среди всех «увечных и раненых» выделялась категория населения, требовавшая постоянного внимания – не просто «раненые воины», а самые настоящие инвалиды войны.

Очевидно, что все пострадавшие на фронте лица условно делились на тех, кому нужна срочная помощь, как, например, «устройство пострадавших воинов на лечение», «обучение увечного воина ремеслам», а кто-то получал содействие в снабжении протезами, помощь «воинам, нуждающимся в постоянном уходе» – в этом случае речь явно идет о тех, у кого временный статус «увечного, раненого воина» трансформировался в устойчивый статус инвалида (Тишкина, 2018: 158).

К.А. Тишкина подробно описывает деятельность Иркутского губернского союза организаций помощи больным и раненым воинам, инвалидам, их семьям и семьям убитых. И опять же само название благотворительной организации говорит о разнице между категориями вернувшихся с фронта увечных граждан. Целью союза была помощь «эвакуированным с фронта», причем предусматривалось «оказание всякой медицинской помощи, как... имеющим возвратиться при мобилизации больным и раненым воинам» и «оказание инвалидам просветительской и трудовой помощи, призрение совершенно нетрудоспособных и нуждающихся в постоянном уходе инвалидов» (Тишкина, 2018: 173-174).

Еще одним подтверждением того, что инвалиды войны были отдельной категорией нуждающихся в помощи, самостоятельной единицей для благотворителей, могут служить материалы обзора по вопросу организации в г. Красноярске временного приюта-убежища для калек-воинов (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 292. Л. 59), который подняли в 1915–1916 гг. представительницы местного Дамского комитета при Союзе городов. В этих материалах довольно ясно говорится о том, чем с началом войны занимался Дамский комитет: «заготавливал одежду для воинов и подарки к праздникам Рождество и Св. Пасхи». Но вскоре женщины увидели, что «с театра военных действий больные и раненые воины в подавляющем большинстве они нуждаются в материальной поддержке». Им выдавалось денежное пособие, и «для тех, кто сравнительно здоров и может работать», комитет подыскивал места в разных учреждениях.

Кроме этого, представительницы Дамского комитета поставили своей задачей устройство «убежища для раненых и больных воинов, вернувшихся с театра военных действий». Обсуждая перспективы его открытия, благотворители рассуждают о тех, кому требуется помощь в убежище. Получателями призрения в приюте они называют представителей вроде бы единой категории «несчастливых истомленных больных, не совсем оправившихся от тяжелых контузий и ранений». Но далее речь идет о том, что «то бывают большею частью солдаты, которых отпускают на разные небольшие сроки 2–3 месяца и устраиваться сколько-нибудь основательно им не приходится». Конечно, их положение тоже не является удовлетворительным: по словам женщин, такие «увечные» фронтовики «ютятся на постоянных дворах в ужасной обстановке без гроша в кармане, питаются кое-как и кое-чем». Но в первую очередь «убежище» должно обратить внимание на «полных инвалидов», которые «останутся в убежище до тех пор, пока не поправятся настолько, что смогут жить самостоятельно». А для этого необходимо научить ремеслу, которое «всегда найдет применение и в городе, и в деревне... [и] даст возможность увечным научиться зарабатывать свой хлеб и не быть в

тягость обществу». Причем устроительницы приюта озабочены не только тем, что организация в нем трудовой помощи через курсы портных и сапожников поможет только «людям с увечными ногами», но и говорят о том, что требуется «приспособить к делу и дать возможность прокормить себя тем, у кого повреждены руки», а это гораздо труднее, и что они могли бы овладеть какой-нибудь новой профессией, но «почти все они неграмотные, а неграмотные на такие работы не годятся. Ввиду этого обучение грамоте должно стоять у комитета наравне с обучением профессии» (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 292. Л. 590б.).

## 5. Заключение

Итак, в период Первой мировой войны ее инвалиды были в России отдельной категорией нуждающихся и требовали несколько иного, по сравнению с близкими по статусу больными, ранеными и увечными военнослужащими, отношения со стороны государства. Вообще, ответственность за социальную помощь инвалидам войны в период крупномасштабных конфликтов должно нести именно государство, поскольку, призывая в ряды армии представителей гражданского населения, оно тем самым фактически берет на себя риски утраты этими людьми жизни и здоровья. В связи с этим мысль о том, что в 1914–1917 гг. должна была реализовываться государственная социальная политика в отношении инвалидов войны, в целом правильная.

Однако у инвалидов войны, несмотря на наличие закона 1912 г., определившего их правовой статус, так и не появилось статуса социального. Это доказывает, что государство все еще рассматривало помощь инвалидам как милость от общества, а не как право и требование гарантии со стороны определенной социальной группы, а потому могло себе позволить проводить лишь фрагментарные мероприятия в отношении этой категории граждан.

Отношение населения к инвалидам войны отражается в выводе французского историка А. Зумфа, которого цитируют С.В. Букалова и П.П. Щербинин: «их положение осложнялось тем, что в тылу, среди здоровых, они не могли предъявить какой-либо весомый личный военный подвиг, который мог бы оправдать то, что они перестали сражаться. Единственный их “подвиг” заключался в том, что они сумели выжить, но, на взгляд тылового общества, этого было недостаточно» (Букалова, Щербинин, 2020: 150).

Однако если верить подобной позиции, то и общество должно было самоустраниться от помощи своим родным, соседям, друзьям, и тогда бы государство осталось единственным субъектом, которому пришлось бы в силу необходимости проводить политику социальной помощи инвалидизированному на войне населению. Но вопрос о том, каким было соотношение реальной государственной, общественной и частной помощи в процессе реализации мер социальной заботы в отношении инвалидов войны, должен стать предметом отдельного исследования.

## Литература

Букалова, Щербинин, 2020 – Букалова С.В., Щербинин П.П. «Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2020. Т. 25. № 187. С. 148-159.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Головин, 2014 – Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014. 544 с.

Еремин, 2006 – Еремин И.А. Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Известия Томского политехнического университета*. 2006. Т. 309. № 6. С. 202-205.

Еремин, 2016 – Еремин И.А. Трудоустройство инвалидов Первой мировой войны в Западной Сибири // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2016. № 1(6). С. 40-43

Ковалев, 2011 – Ковалев А.С. Профессиональная реабилитация инвалидов в Сибири в первой четверти XX века / Социальная реабилитация: социокультурные и психолого-педагогические ресурсы и практики. Красноярск, 2011. С. 281-293.

Ковалев, 2018 – Ковалев А.С. Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг. Красноярск, 2018. 352 с.

Когда..., 2014 – Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: Сб. документов и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 1. 319 с.

Нагорных, 2014 – Нагорных В.В. Первая мировая война и минусинцы // *Сибирь в войнах начала XX века / Материалы Сибирского исторического форума*. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 158-161.

Тишкина, 2018 – Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и гражданской войн. Барнаул, 2018. 296 с.

Шиловский, 2015 – Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Щербинин, Букалова, 2019 – Щербинин П.П., Букалова С.В. Военные инвалиды в повседневной жизни провинциального социума в годы Первой мировой войны // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2019. № 2. С. 86-99.

[Kovalev et al., 2018](#) – *Kovalev A.S., Novosel'tsev N., Savin O.I.* The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province) // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 828-838.

[Merkulov et al., 2021](#) – *Merkulov P.A., Bukalova S.V., Leonova O.V.* Development of the social assistance system in the Russian Empire during the World War I. // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 392-403.

## References

[Bukalova, Shcherbinin, 2020](#) – *Bukalova, S.V., Shcherbinin, P.P.* (2020) «Hozyaeva uvech-nogo dela»: stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny ["The masters of the mutilated case": the formation of a system of assistance to military invalids in the Russian Empire during the World War I]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 25(187): 148-159. [in Russian]

[Eremin, 2006](#) – *Eremin, I.A.* (2006) Zabota o bol'nyh i ranenyyh voynah v Zapad-noj Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.) [Caring for sick and wounded soldiers in Western Siberia during the World War I (1914-1918)]. *Izvestiya Tomsko-go politekhnicheskogo universiteta*. 309(6): 202-205. [in Russian]

[Eremin, 2016](#) – *Eremin, I.A.* (2016). Trudoustrojstvo invalidov Pervoj mirovoj vojny v Zapadnoj Sibiri [Employment of disabled people of the World War I in Western Siberia]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1(6): 40-43. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].

[Golovin, 2014](#) – *Golovin, N.N.* (2014). Rossiya v Pervoj mirovoj vojne [Russia in the World War I]. Moscow, 544 p. [in Russian]

[Kogda..., 2014](#) – *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoj provincii v kontekste Pervoj mirovoj vojny: Sb. Dokumentov i materialov* [When states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of the World War I: Collection of Documents and materials]. Tomsk, 2014. Vol. 1. 319 p. [in Russian]

[Kovalev et al., 2018](#) – *Kovalev, A.S., Novosel'tsev, N., Savin, O.I.* (2018). The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province). *Bylye Gody*. 48(2): 828-838.

[Kovalev, 2011](#) – *Kovalev, A.S.* (2011). Professional'naya reabilitaciya invalidov v Sibiri v pervoj chetverti XX veka [Professional rehabilitation of disabled people in Siberia in the first quarter of the XX century]. *Social'naya reabilitaciya: sociokul'tur-nye i psihologo-pedagogicheskie resursy i praktiki*. Krasnoyarsk, pp. 281-293. [in Russian]

[Kovalev, 2018](#) – *Kovalev, A.S.* (2018). Mezhdru isklucheniem i integraciej: netrudo-sposobnoe naselenie Sibiri v fokuse social'noj politiki Sovetskogo gosudarstva 1920–1930-h gg. [Between exclusion and integration: the disabled population of Siberia in the focus of the Social policy of the Soviet State of the 1920s–1930s]. Krasnoyarsk, 352 p. [in Russian]

[Merkulov et al., 2021](#) – *Merkulov, P.A., Bukalova, S.V., Leonova, O.V.* (2021). Development of the social assistance system in the Russian Empire during the World War I. *Bylye Gody*. 16(1): 392-403.

[Nagornyyh, 2014](#) – *Nagornyyh, V.V.* (2014). Pervaya mirovaya vojna i minusincy [The First World War and the Minusintsy]. *Sibir' v voynah nachala XX veka. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma*. Krasnoyarsk, pp. 158-161. [in Russian]

[Shcherbinin, Bukalova, 2019](#) – *Shcherbinin, P.P., Bukalova, S.V.* (2019) Voennye invalidy v povsednevnoj zhizni provincial'nogo sociuma v gody Pervoj mirovoj vojny [Military incidents in the daily life of provincial society during the World War I]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2: 86-99. [in Russian]

[Shilovskij, 2015](#) – *Shilovskij, M.V.* (2015). Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 go-dov i Sibir' [The World War I of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk, 330 p. [in Russian]

[Tishkina, 2018](#) – *Tishkina, K.A.* (2018). Deyatel'nost' sibirskogo obshchestva podachi pomoshchi bol'nym i ranenym voynam v gody Pervoj mirovoj i grazhdanskoj vojn [Activities of the Siberian Society for providing assistance to sick and wounded soldiers during the World War I and the Civil War]. Barnaul, 296 p. [in Russian]

## **К вопросу о государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны в российской историографии: проблемы численности и идентификации**

Александр Сергеевич Ковалев <sup>a, \*</sup>, Николай Рзавич Новосельцев <sup>a</sup>,  
Дмитрий Владимирович Рахинский <sup>a, b, c</sup>, Никита Николаевич Равочкин <sup>d, e</sup>

<sup>a</sup> Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

<sup>b</sup> Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

<sup>c</sup> Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация, Российская Федерация

<sup>d</sup> Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

<sup>e</sup> Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема социальной помощи инвалидам войны в 1914–1917 гг., представленная в современной российской историографии. Большинство исследователей утверждают, что в период Первой мировой войны в отношении увечных и раненых воинов из числа нижних чинов проводилась полноценная государственная социальная политика. В то же время дискуссионным остается вопрос о том, какова была численность лиц, вернувшихся с фронта полностью нетрудоспособными. Дополнительно в статье сформулирована еще одна научная проблема: были ли «инвалиды войны» самостоятельной категорией нуждающихся в помощи или им оказывали содействие в рамках единого подхода к решению жизненных затруднений больных и раненых военнослужащих. Ответы на оба этих вопроса помогают более точно сказать, существовала ли на самом деле в России практика государственной социальной политики. Если численность военных инвалидов была значительной, то они действительно могли стать объектом особого внимания со стороны как государственных, так и негосударственных субъектов помощи. В то же время для этого они должны были обладать особым статусом, который отличает инвалидов Первой мировой войны от прочих категорий нетрудоспособного населения, выделяет их среди лиц, занимавших схожее социальное положение.

В статье представлены разные точки зрения, касающиеся численности инвалидов войны, рассматриваются проблемы организации учета инвалидов войны в годы Первой мировой, анализируются материалы анкет, разработанных медико-статистическим бюро при Главном комитете Земского союза и составленных на группу фронтовиков из Барнаульского уезда, вернувшихся нетрудоспособными. Это позволило идентифицировать инвалидов войны как отдельную группу нуждающихся.

**Ключевые слова:** история социальной помощи, благотворительность, Первая мировая война, государственная социальная политика, инвалидизация, инвалиды войны, увечные и раненые воины, нижние чины.

---

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [alexkovaleff@yandex.ru](mailto:alexkovaleff@yandex.ru) (А.С. Ковалев),  
[NNovoseltsev@sfu-kras.ru](mailto:NNovoseltsev@sfu-kras.ru) (Н.П. Новосельцев), [siridar@mail.ru](mailto:siridar@mail.ru) (Д.В. Рахинский),  
[nickravochkin@mail.ru](mailto:nickravochkin@mail.ru) (Н.Н. Равочкин)